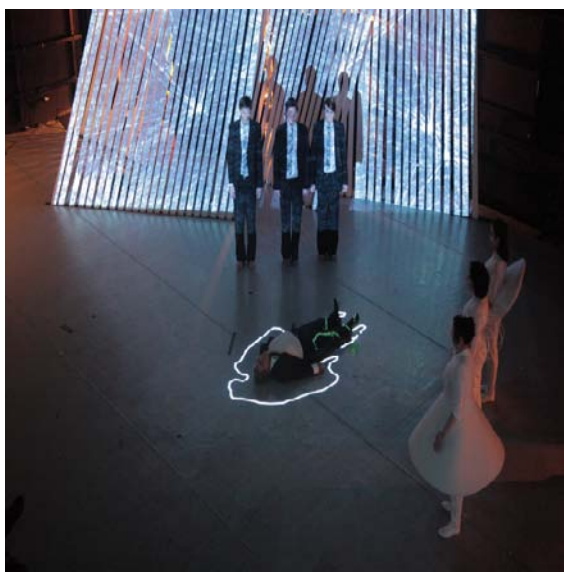

Из тени в свет перепевая

16.04.2015

<http://portal-kultura.ru/articles/opera/98439-iz-teni-v-svet-perepevaya/>

Светлана НАБОРЩИКОВА

Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко — снова в авангарде оперного жанра. Свою малую сцену «Стасик» отдал копродукции с московской Студией новой музыки, представившей очередной проект в рамках программы НОМТ (Новый музыкальный театр). Ранее столичные опероманы уже увидели «Индекс металлов» Ромителли, «Человека, который принял свою жену за шляпу» Наймана, «Лживый свет очей» Шаррино. Список новаций продолжила мультимедиа-опера «По ту сторону тени» Владимира Тарнопольского.

В Москве прошла ее российская премьера, мировая состоялась в 2006-м на Бетховенском фестивале в Бонне. Отечественный вариант поставлен той же командой. Сочинения Данте, Леонардо, Ницше, Эхнатона, Монна поются по-немецки. Это важно. Фонетика языка здесь основа не только вокальных, но и инструментальных партий. В тексте много фирменных немецких согласных — шипящих и рычащих. Вслед за ними, перехватывая инициативу, шипят и рычачат инструменты оркестра.

Перед спектаклем зрителям объясняют, что именно они увидят и услышат. Экрана с титрами в спектакле не предусмотрено. Единственный русскоговорящий персонаж, Философ, появляется эпизодически, и не владеющим немецким трудноато понять, кто есть кто. Из программки же ясно: в основе оперы — две античные истории. Первая — притча Платона, где рассказывается о людях, которые живут в пещере. И о жизни снаружи судят по теням на стене. Вторая — легенда от

«По ту сторону тени»

Музыкальный театр
имени Станиславского
и Немировича-Данченко
Композитор: Владимир Тарнопольский
Дирижер: Игорь Дронов
Режиссер и хореограф: Роберт Векслер
Костюмы и сценография:
Бабис Панагиотидис
Видео и спецэффекты: Фридер Вайс
В ролях: Ольга Луцив-Терновская,
Екатерина Кичигина, Светлана Сумачева,
Сергей Николаев, Дмитрий Кондратов,
Михаил Головушкин, Андрей Альшаков,
Елена Подмогова, Михаил Сапонов

Плиния Старшего. Девушка, провожая жениха на войну, обвела углем на стене контур его тени. Так родилась живопись. Из игры теней появился танец. Из эха, звукового подобия тени, — музыка.

Искусства символизируют свет, узники пещеры — тень. А это уже заготовка для фабулы — от мрака к свету. Зритель, не ознакомившийся с этой четкой концепцией (остались еще любители воспринимать оперу с чистого листа), видит картинку попроще. Но тоже весьма логичную и симметричную.

Пластичный и артистичный профессор Московской консерватории Михаил Сапонов читает Платона. Три певца в пиджачных парах представляют узников (коллективная тень). Три певицы в белых конструктивистских пачках — искусства (коллективный свет). Образ муз вдохновлен античными «Грациями». Визуальный прототип узников — роденовское трио из «Врат ада». В согласии с массовым началом нет соло, только ансамблевое пение. И поначалу отсутствуют точки соприкосновения. У антагонистов даже свои собственные музыканты, разведенные по разным концам зала. Дирижер Игорь Дронов скромно сидит в сторонке, делая пассы перед компьютером. Любопытные могут посмотреть, что на экране сведены оба оркестра.

Сложные отношения света и тени сублимируются в чистом танце. Для этого в спектакль введены танцовщик и танцовщица. Соединение в полуигровом-полутанцевальном действии танцовщиков и певцов — ход, прямо скажем, спорный. Все равно что заставить балетных петь. Намного изящнее выглядит второе отделение, где до света рукой подать. Узники и музы, одетые на сей раз в черное, занимают места у противоположных стен, сливаясь с темным декором. Середина отдана танцующим, тела которых становятся частью видеопроекции и вписываются в масштабную световую партитуру. Собственно, с этого момента, становится ясно, почему опера названа мультимедийной. И почему все предыдущее действие сопровождалось чувством дискомфорта.

Причина неудобств — чрезмерность телесного. Иначе и быть не могло. Постановщик Роберт Векслер — художник материальный, любящий тело и его перемещения. Недаром он ученик Мерса Каннингема, который планомерно утяжелял звуковые абстракции своего соавтора Джона Кейджа. Но то, что было хорошо для Каннингема — Кейджа, здесь оборачивается избыточной сюжетностью, затемняющей прозрачные композиторские метафоры.

Опера бы только выиграла, будь она чистым музыкально-световым действием. Тем более, что этот микст разработан очень тщательно. Отличная музыка с завораживающими эмоциональными перепадами — от абсолютной статики до яростной агрессии. Выразительные декорации с акцентом на ребристую конструкцию, предназначенную для игры теней. Новейшие цвето- и светотехнологии, благодаря которым чувствуешь себя в центре герметичного и самодостаточного мира. То, что в этот момент ты уподобляешься узнику платоновской пещеры, в данном случае только плюс. Реальный мир часто непригляден и всегда неотвратим. Вымышленный же существует по писанным художником законам. А принимать их или нет — дело зрителя.